

Немного лирики от, некому неизвестной поэтессы, Анны Козловой. Поскольку, на протяжении всей своей сознательной жизни пишу стихотворения, то и в этот раз, я решила не изменять своим талантам. В последствии чего, прошу мое лето в рифмах.

До смертельной, но сладкой, томительной дрожи.
До мурашек, до слез, и до бешеных стуков в груди.
До мороза по потной, холодной, продрогшей кожи.
Понимать, что в первый раз, ты будешь работать с детьми.

Ждать, надеяться, представляя исходы событий.
Понимать, что жизни их в твоих хрупких руках.
Вообразить момент тревожный прибытий.
Когда от волнения ломка, волнение, страх.

Но ,как только, впервые ты слышишь их голоса.
И как только впервые ты видишь эти улыбки.
С тобою творятся невероятные, колоссальные чудеса.
И ты им готов простить, обиды, споры, ошибки.

В первую ночь ложишься в пустую кровать.
Думаешь- «Я понравилась им или как им наша работа?»
Понимаешь, что нужно уже засыпать.
Понимаешь, что теперь у тебя другие заботы.

Вспоминаешь по очереди имена всех детей.
Забываешь, по сто раз, спутав Зину и Галю.

Хочешь нового дня с детьми поскорей.
Коллеги ругаются-«Все, поняла, засыпаю!»

Утром встаешь с той самой, счастливой ноги.
Не успев причесаться, накраситься, даже умыться.
Слышишь везде, шорох, смех и родные шаги.
Надеюсь с детьми-то хоть утром ничего не случится.

Зарядку ведет, как всегда горячий физрук, все стабильно.
На завтрак дают по стандарту, не ешь, пьешь горячего много.
Смотришь на их глаза, понимаешь, как любишь их сильно...
Зовешь всех, отправляясь в дневную дорогу.

А дальше тебя засосал, закружил цветной хоровод.
Рисунки, стихи, песни, квэсты, мероприятия.
Этот в медпункте, этот на румбе, а этот ,вообще, не тот.
И потихоньку отключается твое восприятие.

Кричишь, убиваешься над очередным выступлением.
Хочешь, чтоб они были лучше всегда и во всем.
Смотришь на них и становится тепло на мгновение.
Извиняешься, и вот, мы уже в так танцуем и круто поем.

Берешь только первое место, в экстазе мой весь отряд.
Все счастливы, крики, овации, радостный гул.
Ждут, когда уже их поскорей наградят.
Потом убегают, врываются в хол, занимать на свечку стул.

Ты их поздравляешь, желаешь дальнейших успехов.
Желаешь им так же всегда выступать.
Желаешь больше беспричинного смеха.
Ну, и конечно кладешь их всех спать.

О, эта тема, что пойдет об отбое.
О ней можно часами писать и писать.
Просто скажу. Нас было трое.
И тут же плюсюю. Их сорок пять.

Мы выживали, кто, как только мог.
Это описался, этот соком каким-то облился.
Нам в тот момент помогал с небес бог.
И этот отбой в конце концов получился.

Валились под конец мы все с ног.
По рации снова – «Вожатник, не забывайте»
И тут подкачал, чего-то нас бог.
Поэтому, господа, прошу всех вставайте.

Плетешься по холоду, ровно в двадцать ноль – ноль.
Понимая, что забыл подзарядится.
Чувствую в руках, ногах, везде, в общем, боль.
И кажется, что скоро ты можешь и разрядится.

Танцуешь, поешь, читаешь свои же стихи.

Глаза закрываются, и выходные приснились.
Только нас разбудили, черт возьми физруки»
И мы вновь в актовом зале вдруг очутились.

Конец, а на часах где-то восемь утра.
И понимаешь, что подъем через буквально минуты.
Себе говоришь- «Ты-вожатый! На работу пора»
А ноги не слушаются, как мячики сдуты.

И так вот день заменяется днем.
Стараешься, трудишься, все не напрасно.
Танцуем, рисуем, читаем поем.
И понимаешь, что жизнь-та прекрасна.

На вожатнике смотришь только на них.
Ищешь их глаза в непроходимой толпе
Смотришь всегда только на них одних
И от этого бабочки летят в животе.
Закончишь вожатник и сразу к ним бегом.
Они тебя хвалят, целуют и обнимают.
И тогда задумываешься только о том,
Насколько они любят тебя,
И тебе доверяют.
Через неделю наш главный отчет,
Поставим с ребятами «Ромео и Джульетта»
Поэтому не халавить и только вперед
Должны хорошо сыграть, оформить и быть шикарно одетыми.
И целую неделю, не вылезая из зала,
Каждую связку до пота и крови.
Я мучилась, злилась, рыдала, страдала,
Но получилось выступление с любовью.
Мы отыграли, закончился бой
Счастливы дети, родители рады.
С ними станет любой молодой,
С ними любое дело будет отрадой.

Кто говорит, что главное рейтинг, рейтинг-пустяк!

Главное дети. Их сонные речи, улыбки движения.
И может быть, для меня лагерь был знак.
Знак в педагогике и в работе с детьми продвижении.

Я их очень люблю. Они стали моими детьми.
Они переняли мои все морали.
Я знаю, они станут лучшими, взрослыми людьми.
Хоть было всё, мы пели, смеялись, орали.

А главное, ты сам становишься младше на лет, где-то пять.
Душа твоя становится вновь молодее.
Но скоро уж нужно мне их провожать.
От этого становится сердцу больнее.

Осталось каких-то пару дней.
А для тебя они недель станут.
И ты должна быть с каждым днем сильней.
Но слезы при слове «проводить» не перестанут.

Они уедут, позабудут нас.
Они все разлетятся словно птицы.
Не будут больше радовать наш глаза.
Вдыхая пар, запущенной столицы.

И вот, тот день настал и час тот роковой.
Когда они уходят, руки отпускают.
Прощаются по часу лишь с тобой.
И взглядом полным грусти провожают.

Тогда вдруг, что-то разломается в груди.
Не важно, что сегодня, завтра, и вчера.
Не важно, то что будет впереди.
Какие будут, ночи, дни и вечера.

Они уехали, в душе оставив след.
Оставив пустоту и одиночество, и слабость.
Ты ожидаешь следующую встречу, следующий момент.
Когда ты будешь с ними и жизнь то будет в радость.

Прощайте, дорогие, до свидание, верно, не прощайтесь.

И напоследок пару ласковых скажите хоть разок.

Прошу, нет, умоляю возвращайтесь.

В прекрасный детский мир, в чудесный уголок.

Вернитесь, подарите нам свое тепло.

Чтоб мир от счастья тут же распустился.

Я не покину мысль о вас, ни в жизни, ни за что.

Я был вожатым, а чего же ты добился?

Лагерь стал моим пристанищем, домом.
Я живу по его законам, канонам.
Я скучаю по нему седыми ночами.
Мы связаны с ним, а он связан с нами.